

Александра
ПЛЕЖ

ДОЛГИЙ ПУТЬ
ОТ ЛЮБВИ ДО ЛЮБВИ

Первая любовь. Самая прекрасная на свете. Чистая, невинная, беззаветная. Вряд ли она проживет долго. Вряд ли она будет счастливой и закончится свадьбой. Такая любовь остается в памяти светлым воспоминанием, недостижимым идеалом, сказкой. В то время как реальность — тоскливый брак с нелюбимым человеком. Одинокая бездетная жизнь и обида, казалось навеки поселившаяся в сердце. А впереди долгий путь — от любви до ненависти, от ненависти до прощения, от прощения до любви.

Александра Плен

Долгий путь от любви до любви

Уже который год я живу в страхе. Это не тот страх, что заставляет прятаться по углам и запирается в спальне, не тот, который подстерегает в темном переулке с пистолетом в руках или проникает в тело вместе со страшной болезнью. Мой страх не замечен окружающим. Он таится глубоко внутри и не показывается наружу. Но я все время помню о нем. Я так же, как и всегда, мило улыбаюсь и флиртую с кавалерами. Я пью шампанское и хожу в театры, каждый день надеваю красивое платье и укладываю волосы, каждый день радуюсь и грущу, смеюсь и плачу.

Но страх всегда со мной, и днем и ночью, и летом и зимой, и в болезни и во здравии... Он проник в каждую клеточку моего тела и моей души, намертво въелся в сердце. Я совершила самое страшное предательство из возможных — я предала свою любовь. Что ждет меня за это? Как накажут меня Бог и жизнь? Хотя уже наказывают. Потому что я ни разу с того времени не была счастлива. Ни одного дня, ни одной минуты.

Часть первая. Любовь

1890 год

— Роланд, мы сможем позволить Софи лето в Девоншире? — напряженным голосом спросила за обедом мама. — Ты же знаешь, если Софи не поедет, нас все засмеют.

— Амалия, — раздраженно фыркнул папа, — у меня долгов, как звезд на небе, мы не только не можем себе позволить каникулы Софи, но и, боюсь, придется ей сменить школу.

Я застыла, не донеся до рта ложечку с кусочком торта. Предпоследний класс, друзья, знакомые, недоброжелатели и завистники — вся моя жизнь в школе Солентон. Я проучилась в ней почти пять лет. Даже не так, я прожила в ней пять лет, посещая родительский дом только на Рождество и на летних каникулах. Я так привыкла к древним массивным стенам, сложенным из красного камня, которым уже более ста лет, привыкла к высоким потолкам и гулким коридорам. Самая престижная частная школа в Англии. Лучшие из лучших, самые-самые — это мы, ее ученицы. Нас всего тридцать девочек, все — наследницы огромных состояний, завидные невесты, гордость и краса королевства.

Позвольте представиться: старшая дочь виконта Нордвика, отпрыск благородного древнего рода, София Антуанетта Октавия, баронесса Нордвик. Мне семнадцать лет (точнее, семнадцать с половиной), я умею рисовать, играть на арфе и фортепиано, читаю и пишу по-французски и по-немецки. Пою. Хорошо знаю латынь. И еще много всего, так необходимого молодой, хорошо воспитанной девушке.

— Что ты такое говоришь, Роланд?! — воскликнула мама. — Мы не можем забрать из пансиона Софи! Ей осталось доучиться всего год. Ты же знаешь, как сейчас модно для девушки иметь хорошее образование. Наша возлюбленная королева...

Мама села на своего любимого конька и еще некоторое время продолжала петь оды королеве Виктории.

— После принятия закона о всеобщем образовании не знать латынь было бы верхом неприличия... — распиналась мама дальше, папа пытался вставить слово, но куда там! — Сейчас не только мальчики из аристократических семейств обязаны пройти обучение в Итоне или Кембридже, девочки также имеют возможность получить приличные знания. Даже дети крестьян и рабочих ходят в школу, а ты хочешь лишить наших девочек...

Сама виконтесса Амалия Нордвик (моя обожаемая мама) всегда шагала в ногу со временем. Обучалась в престижной частной школе для девочек в Оксфордшире, говорила на итальянском, французском и немецком языках, умела поддерживать беседу на любые темы. И постоянно кичилась этим перед папой, который кроме английского других языков не знал, хоть и закончил в свое время Итон.

— Да я не об этом, — махнул расстроенно рукой папа, — я о том, что школа стоит огромных денег. Несколько тысяч фунтов в год, Амалия! Где их взять?!

— Можно подумать, это ты платил за прошлый год! — фыркнула мама. — Мой отец оплатил Софи школу.

— В прошлом — да, а в следующем? — насупился папа. — Твой обожаемый отец — непредсказуемый тип. То он дает деньги, то даже не отвечает на просьбы.

— А нечего было называть его выскочкой и нуворишем...

«Началось», — хихикнула в кулак я и перевела взгляд на потолок. В такие минуты я рассматривала лепнину, роспись или гобелены с вышивкой, которыми были затянуты стены столовой. В нашем древнем замке было на что посмотреть. Правда, гобелены несколько

поистрепались, лепнина потрескалась и кое-где осыпалась, а стул подо мной так и норовил развалиться, но мне все нравилось — и пыль, и запустение, и некий налет ветхости и древности на замке. Каждый раз, приезжая на каникулы домой, я открывала для себя что-то новое и интересное. То картинную галерею в западном крыле, то чердак с пыльной поломанной мебелью восемнадцатого века, то изящный орнамент с амурчиками в странных позах на потолке оружейной. До двенадцати лет я жила с родителями, потом меня отдали в пансион. После этого каждый приезд в родовой замок Нордвик становился для меня событием. Замок был построен еще в семнадцатом веке на берегу Ирландского моря в живописном уголке графства Камберленд. И пусть здесь почти всегда ветрено и сыро, я очень любила свой дом.

Мама была дочерью богатого промышленника, разбогатевшего на производстве ткани, шерсти и кожи и получившего рыцарское звание за заслуги перед короной лишь двадцать лет назад. Так что, теоретически, мезальянсом их брак не был. Мама и папа были дворянами. Но иногда я слышала, как ругались родители (а делали они это довольно часто). Обвинения в низком происхождении звучали из уст папы в ответ на мамины заявления о нищенском прозябании виконта до свадьбы и огромном приданом, которое

спасло семью Нордвик от разорения.

«Но, видимо, ненадолго», — подумала рассеянно, прислушиваясь к разговору, который велся уже на повышенных тонах.

— Куда ты мог деть пятьдесят тысяч фунтов приданого?! — воскликнула мама, и я вздрогнула, очнувшись от задумчивости.

— Во-первых, дорогая, — саркастически произнес отец, — твои пятьдесят тысяч были потрачены еще двадцать лет назад. Ты знала, что почти все пошло на оплату долгов моего отца.

Он в раздражении бросил на стол вилку.

— После свадьбы я не получил ни фунта сверх приданого, хотя не раз обращался за помощью к тестю.

— Нужно было с умом управлять землями и распоряжаться деньгами, а не вкладывать в сомнительные авантюры, — бросила в ответ шпильку мама. — Ты всегда был бесхарактерным и безвольным. Прав был мой отец...

«Опять», — вздохнула я. В последнее время мама и папа ссорились очень часто. Почти каждый день. Если я правильно поняла, то папа потерял деньги, вложив их в спекулятивные акции и прогорев на них. Мама постоянно шпыняла его за неспособность заработать, а папа в ответ говорил, что лорд и не должен зарабатывать, «пусть зарабатывают плебеи, такие как тесть». После этого

(как правило) было слышно звон битой посуды и крики мамы «Лучше бы я приняла предложение графа К...» или «Ты ничему не научился в Итоне, только проигрывать на скачках и в карты!» — и все в таком роде. После таких ссор родители по несколько дней не разговаривали, а я старалась не попадаться им на глаза, проводя все время с младшей сестрой в ее комнатах.

Адели было десять лет. Она не садилась с нами за стол и ела обычно в своей спальне в обществе няни. Адель родилась с больными легкими. Поэтому она постоянно кашляла, и у нее был плохой аппетит. Полгода она проводила в Бате на водах, полгода — на южном побережье Франции и только несколько недель летом в нашем поместье. Так что видела я сестру редко. Мы почти не общались: няня запрещала ей долго разговаривать (чтобы не напрягала легкие), доктор советовал не перегружать обучением (в десять лет она умела только читать и плохонько писать). Я сама развлекала ее. Рассказывала о своем пансионе, читала вслух книги, описывала своих подружек. Адель слабо улыбалась и тихонько кашляла в платок. Бледная, худенькая и слабенькая, сестра была постоянной головной болью родителей и моей сердечной болью.

— Роланд, ты хочешь сказать, что наши дела совсем плохи? — наконец спросила мама, поднося платочек к глазам (наверное, решила не доводить дело до скандала). — И мы в этом году не поедem с Аделью в Бат? Я виделась с графиней Мерсисайд, и мы договорились встретиться...

— Не знаю, Амалия, — папа встал и бросил на стол скомканную салфетку, — если удастся взять в долг...

— Но девочке нужен теплый климат, ты же знаешь, — всхлипнула мама, — бедная Адель не сможет перенести зиму в Англии. Мы весьма недорого сняли виллу в прошлом году в Неаполе.

Папа раздраженно махнул рукой.

— Попроси у своего отца, — бросил он сквозь зубы, — пусть даст.

— Папа и так оплачивает пансион Софи и дал нам денег на поездку в Бат в прошлом году. Он тогда сказал, что помогает в последний раз, — и добавила: — Я же тебе говорила.

— Значит, попроси еще. Поплачь, — папа был злым и раздраженным. — Ты же это умеешь. Я пройду. Не жди меня к ужину.

И, развернувшись, быстро вышел из столовой, громко хлопнув дверью.

— Только и знаешь, что пить и играть на скачках, — буркнула мама закрытой двери. — И

зачем я погналась за титулом?

Мама перевела взгляд на меня. Вопрос, скорее всего, был риторическим и ответа не предусматривал. Я легко пожала плечами и встала из-за стола.

— Пойду к Адели, почитаю ей, — произнесла, вежливо присев. Мама расстроено махнула рукой и принялась за второй кусок торта. Я быстро вышла из столовой.

Если я правильно поняла, то наша семья давно уже балансирует на грани бедности. Из всех домов в более-менее жилом состоянии остались только родовое поместье да особняк в Лондоне. Земли давно уже были распроданы, причем даже не папой и не его отцом, а гораздо раньше. Выгодная женитьба сына, по-видимому, смогла ненадолго отсрочить погружение семьи в бездну. Нужно было менять образ жизни или предпринять еще какие-то кардинальные меры, но что папа, что покойный дедушка по папиной линии, что прадедушка нисколько не заботились о возрождении бывшего богатства. Максимум, что они делали, это женились на богатых наследницах. Но, как видно, способ оказался не очень действенным, точнее недолговечным.

* * *

Я приехала на летние каникулы домой, в замок Нордвик, но через две недели должна была ехать на юго-западное побережье в престижный пансионат Торки «Изумрудная бухта». Он был на все лето арендован нашей школой для двух классов — выпускного и предвыпускного (то есть моего). Два месяца на берегу моря — солнце, песок, пальмы... Я считала само собой разумеющимся, что поеду вместе со всеми, и с огромным нетерпением ждала каникул. Мы с девочками мечтали о глотке свободы после строгой школьной дисциплины и постоянного надзора гувернанток. Все разговоры в последние месяцы были только об этом. Мои подружки, графиня Бергшир и виконтесса Девон, уже сшили себе купальные костюмы и хвастались, что выглядят в них очень по-взрослому и даже слегка фривольно.

С нами на побережье должна была поехать почти половина учительского состава школы (только женского), так как было решено, что эти два месяца мы будем практиковаться, совершенствуя навыки владения французским и немецким языками.

У меня тоже был купальный костюм, правда, не такой модный, как у подружек. Мне его сшили в прошлом году, когда мы с родителями и Аделью ездили в Бат. пышное голубое платье до колен, штанишки с бантиками, легкие туфли и шляпка. Я в

нем выглядела маленькой девочкой, но на мою просьбу пошить что-то более модное и открытое мама ответила, что девушке в моем возрасте неприлично открывать ноги (даже в чулках) и носить обтягивающие вещи. Странно было услышать такое из ее уст: я всегда считала маму просвещенной и современной женщиной. Сейчас я думаю, что, возможно, это была не забота о моей репутации, а банальная экономия.

Я была послушной дочерью и никогда не перечила родителям. Нет, так нет. Я бы даже ни слова не сказала, если бы они отказались посылать меня с классом. Но так как это было дело престижа семьи, то деньги нашлись. Не знаю, откуда — то ли дедушка дал, то ли папа занял — меня это не интересовало. Главное — я поеду!

* * *

Мы сели в Уинчестере на поезд и отправились в Девоншир. Нас было пятнадцать девочек в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет, с каждой ехали компаньонка и горничная. Сопровождали нас десять учительниц из пансиона. В общем, толчея на перроне при отправке поезда получилась приличная. У каждой девушки было отдельное купе, но мы с подружками всю поездку просидели в моем, мечтая, как будем купаться и

загорать вдали от родителей и строгих учительниц. Два месяца свободы и развлечений! Потом опять начнутся занятия, этикет, танцы, музицирование. Поездка в Лондон, представление ко двору, потом (возможно) ярмарка невест, помолвка, свадьба. Но это в будущем, которое еще пока далеко, а сейчас... Сейчас нас ждут приключения и опьяняющее чувство свободы!

Я выбросила из головы проблемы и ссоры родителей из-за денег. В семнадцать лет меня нисколько не волновали такие сложности. Жизнь казалась захватывающим приключением, а все происходящее — увлекательной авантюрой. Я предвкушала два месяца сказочных головокружительных открытий. Мне было семнадцать, и я страстно хотела новизны и впечатлений.

Я впервые была одна так далеко от дома, и мне все очень нравилось. Мы, как стайка разноцветных птичек, щебетали и порхали, не в силах усидеть на месте. Конечно, я ездила в поезде, конечно, я видела море. Но поездка с папой, мамой, Аделью и кучей прислуги отличалась от этой поездки как небо от земли. Учителя оставили нас в покое, моя компаньонка, мадмуазель Буше, отправилась пить чай с другими сопровождающими, а мы наслаждались болтовней, мелькающими в окне видами и рассматривали

картинки в модных журналах, «случайно» оказавшихся в сундуке у Лилии, графини Бергшир.

* * *

Пансионат представлял собой несколько небольших двухэтажных коттеджей, расположенных в живописной бухте. Большая территория была обсажена кипарисами, за которыми виднелся высокий решетчатый забор, плавно уходящий в море. Нам выделили по отдельной комнате на втором этаже, прислугу поселили на первом. После того как все расположились, мы с девочками переоделись и побежали на пляж. Мы резвились и плескались как дети, мадмуазель Буше только улыбалась, сидя в шезлонге рядом с другими женщинами.

Моя компаньонка была француженкой. Мама нашла ее по протекции своей подруги, графини Мерсисайд, и я до сих пор благодарю судьбу, что мне так повезло. Француженка (по слухам, она происходила из разорившегося рода французских аристократов, сбежавших в Англию после революции) была старше меня всего на десять лет, имела легкий веселый нрав и доброе сердце. Она жила в нашей семье всего полгода и после того, как я выйду замуж, должна была остаться присматривать за Аделью.

Постепенно у нас установился следующий распорядок дня. После завтрака мы занимались французским или немецким, потом обязательная экскурсия в Торки. После обеда — на пляж. Игры на открытом воздухе, крикет, пинг-понг. Шахматы или бридж. Ужин и девичьи сплетни в гостиной. Иногда после ужина, захватив с собой книгу, а чаще альбом для рисования, я уходила на пляж любоваться закатом.

Я любила рисовать. Было удивительно наблюдать, как под карандашом на белом листе оживают цветы или наполняются ветром паруса яхты, которую частенько можно было видеть на горизонте. Конечно, великой художницей я становиться не собиралась, да мне это и ни к чему. Леди не должны зарабатывать. Поддержать разговор на французском, усладить слух гостей или мужа игрой на фортепиано, развлечь зарисовками видов парка или акварелями. Пожалуй, все. Это у меня хорошо получалось, я только не любила вышивать, хотя и умела.

Атмосфера свободы и праздника не покидала нас. Даже строгие и чопорные учительницы, заставлявшие весь год зубрить склонения и заучивать гаммы, превратились в улыбчивых

милых дам. На территории пансионата мужчин не было. Только возчики рано утром привозили на подводах продукты, свежее молоко, хлеб. Кухарки, служанки и даже садовница — все были женщинами.

* * *

За две недели я немного загорела. И пусть шляпка всегда была на моей голове, даже во время купания, на носу появилась россыпь так не любимых мною веснушек, а золотистые волосы разнообразились выгоревшими белоснежными прядками.

В этот раз я решила забраться в дальний уголок территории. Здесь почти у самой ограды рос прелестный розовый куст. Чайные розы так и просились на холст. После ужина я, взяв альбом и карандаши, тихонько ускользнула. Нужно было поймать угасающие лучи заходящего солнца. Я увлеченно рисовала, пока совсем не стемнело. Розы на бумаге выглядели потрясающе. На каждой ветке по пять, а то и по шесть роскошных бутонов в обрамлении широких зеленых листьев. Положив альбом на песок, с удовольствием потянулась, поднимая и разводя руки. И вдруг услышала шорох. Испуганно обернулась. За оградой, на противоположной стороне, кто-то сидел. И,

по-видимому, давно. Удобно расположившись, сложив ноги по-турецки и подперев голову ладонью. В сумерках я не могла разглядеть лица, оно размытым пятном белело за решеткой забора.

— Кто здесь? — послышался в тишине мой дрожащий голос. — Что вы здесь делаете?

— Не пугайтесь, мисс, — произнес приятный мужской голос, — я вышел прогуляться и увидел вас, увлеченную рисованием. Не хотелось мешать. Я уже час наблюдаю за вами. Чем же так привлек вас этот куст? Можно посмотреть?

Я осторожно встала и подошла к ограде. Через решетку сумела рассмотреть симпатичного юношу, возможно лет восемнадцати-двадцати. Он добродушно улыбался, даже не пытаясь приблизиться, видя мою застенчивость и пугливость.

— Возьмите, — протянула я альбом ближе к забору, — можете посмотреть.

Молодой человек протянул руку сквозь прутья и взял альбом. Несколько минут рассматривал розы, потом принялся молча перелистывать страницы. Пляж, яхта, закат, смеющаяся графиня Бегшир, моя сестренка...

— Вы прекрасно рисуете, мисс! — в голосе сквозило восхищение. — Вы художница?

Впервые мои картинки оценивал посторонний человек. Мама рассеяно, всегда на бегу, хвалила

меня, если я успевала ей показать хоть что-то. Учителя постоянно указывали на недочеты и критиковали стиль. Но вот так, совершенно чужому человеку, я показывала свой альбом впервые.

— Нет, — рассмеялась я, — какая из меня художница! Просто увлечение, одно из многих.

— И у вас чудесно получается! — воскликнул молодой человек, а потом, словно опомнившись, протянул руку: — Позвольте представиться — мистер Роберт Уайт. А как зовут вас, прекрасная незнакомка?

— Мисс София Нордвик, — улыбнулась я. Меня еще никто не называл прекрасной незнакомкой. Было так непривычно и интересно стоять здесь, на пляже, в таинственных сумерках и разговаривать с мужчиной.

— Вы здесь отдыхаете? — задал вопрос Роберт.

— Да, — ответила я, — мы с классом на каникулах. Школа для девочек Солентон из Нортгемптона. А вы что делаете в Торки?

— Я работаю на каникулах, — слышался в темноте тихий голос, — в пансионате для мальчиков. Вот он.

Молодой человек показал за свою спину, вдалеке виднелась темная громадина здания.

— Как интересно! — воскликнула увлеченно я. — И чем вы там занимаетесь?

— Всем понемногу, — рассмеялся Роберт. — Это школа для мальчиков десяти-пятнадцати лет. Преподаю на каникулах физику, химию, астрономию. Мисс Нордвик, вы разве не знаете, какие великолепные звезды на побережье?

Я отрицательно покачала головой, потом, спохватившись, что в темноте он мог не заметить, ответила:

— Нет, не знаю... Признаюсь честно, я не очень увлекаюсь астрономией.

— Именно на побережье ее и лучше всего изучать. Только здесь, где линия горизонта сливается с земной твердью, и нужно рассматривать звезды, — тихим завораживающим голосом произнес Роберт. — Вам несказанно повезло встретить меня. Вы только посмотрите...

Я подняла голову и ахнула. Небосклон сиял миллионами бриллиантовых искр. Это было восхитительное зрелище! Они переливались, сверкали, вспыхивали и гасли. Все небо до самого горизонта пылало огнями.

— Вон, видите... — мужчина чуть притронулся к моей руке: я даже не заметила, что он подошел почти вплотную к решетке. Я испуганно отпрянула от забора.

— Нет-нет, не пугайтесь, мисс, — его тихий ласковый голос в темноте укутывал, словно пуховым одеялом. — Смотрите, на юге, почти на

горизонте, Большой Квадрат Пегаса, а в углу, на северо-востоке, три яркие звезды...

Я силилась рассмотреть в огромном сверкающем скоплении этот квадрат. Но, боюсь, у меня так ничего и не получилось. Все звезды сливались воедино. Тем временем молодой человек продолжал:

— Это Альферац, Мирах и Аламак, самые яркие звезды Андромеды. Прекрасно, не правда ли?!

В голосе Роберта звучало такое восхищение и восторг, что даже я, далекая от астрономии личность, прониклась его энтузиазмом.

— Прекрасно, — эхом подтвердила я, — но боюсь, я так и не нашла ваш квадрат Пегаса.

Мужчина прыснул.

— Простите, мисс, я увлекся. Я изучаю физику и геологию в Кембриджском университете. И подрабатываю там же.

— А как это? — удивилась я.

— Это значит, что обучение у меня бесплатное, но на еду, жилье и прочее нужны деньги, — рассмеялся молодой человек.

— Простите за бестактность, — я смутилась.

— Что вы, мисс. Нечего прощать. Пишу домашние задания молодым богатым бездельникам в Кембридже, даю уроки на каникулах... — он хмыкнул. — Много еще всего.

— Интересная у вас жизнь, господин Уайт, — восхитилась я.

— Да, — рассмеялся мужчина, — можно и так сказать.

— Ой, — я вдруг спохватилась, — поздно уже, мне пора.

Я отошла от забора.

— Мадмуазель Буше будет искать...

— Подождите, мисс! — мужчина взволнованно прижался к решетке. — Я смогу увидеть вас завтра? Вы еще придете рисовать?

— Не знаю... — растерянно произнесла, и вдруг чисто женское кокетство заставило лукаво добавить: — Возможно.

— Я буду ждать, мисс Нордвик, — от его хриповатого голоса внутри меня все затрепетало.

Подхватив юбки, побежала к корпусам. Сердце стучало от волнения, вызванного необыкновенным приключением. Я познакомилась с молодым человеком! Впервые разговаривала с мужчиной наедине! Правда, я не очень его рассмотрела — было темно, и я смущалась — но завтра... Я замерла. Неужели пойду?...

* * *

Конечно же, я пошла... На следующий день мы встретились, когда солнце только-только

опустилось за горизонт. Когда я подошла к забору, Роберт уже стоял с той стороны, опираясь на решетку. Высокий, стройный, одетый в парусиновые светлые брюки и белую рубашку с закатанными рукавами. Услышав шорох, юноша обернулся и улыбнулся, тепло, хоть и (может, мне это только показалось?) немного грустно. Я протянула руку.

— Добрый вечер, мистер Уайт, давно ждете?

— Красивую девушку можно ждать вечно, — вроде бы банальность, но мне показалось, что прекраснее комплимента мне никто не делал.

— Я поспрашивал в округе, — он кривовато улыбнулся, — мне рассказали, что сейчас в вашем пансионе отдыхают самые титулованные девушки Англии. Сплошные герцогини, графини и баронессы...

В его голосе было что-то похожее на смущение. Я тряхнула головой и весело рассмеялась.

— Ну что вы! Я всего лишь дочь виконта и не планирую в ближайшем будущем менять титул и становиться, к примеру, герцогиней.

— Точно? — переспросил молодой человек, уголки губ дрогнули. — Обещаете?

— Обещаю! — торжественно произнесла я.

— Ловлю на слове, — заулыбался Роберт. Я зачарованно уставилась на преобразившееся лицо.

Открытый ясный взгляд притягивал, словно магнит. У него было умное подвижное лицо, высокий чистый лоб, широкие прямые брови и твердый подбородок с ямочкой. Его улыбка была самой доброй и искренней на свете. Серые глаза лучились теплотой и дружелюбием. В моем окружении никто так не улыбался. Мама чуточку поднимала уголки губ, не разжимая рта, папина улыбка и вовсе была похожа на саркастическую усмешку. А от улыбки Роберта мне самой хотелось улыбаться.

— Что вы сегодня будете рисовать? — поинтересовался он.

— Мне все равно, — ответила я, и вдруг непроизвольно вырвалось: — А может, мы просто поболтаем? Вы мне еще раз покажете Андромеду... На этот раз я постараюсь рассмотреть.

— Замечательное предложение! — улыбнулся молодой человек. — Астрономия — мой конек, я могу говорить о звездах часами...

— Отлично! — улыбнулась я. — Показывайте, я вся внимание!

* * *

Мы с Робертом стали встречаться каждый вечер. Просто удивительно, как быстро я научилась изворачиваться и сочинять небылицы. Я, считавшая

себя самой честной и искренней девушкой на свете, бессовестно врала компаньонке, что «у меня солнечный удар, лягу пораньше», «я накупалась и устала», «я буду читать в спальне, нужно повторить упражнение по французскому языку», «хочу написать письмо родителям»... И прочее, и прочее. А сама запирала спальню изнутри и выбиралась по балконам и террасам в сад.

Иногда прийти не получалось. Тогда я предупреждала Роберта запиской, приколотой к шипам розового куста, росшего у ограды. У нас был свой тайный код: если я приду — рисовала на клочке бумаги распущенную розу, если не смогу — закрытый бутон.

Однажды Роберт пытался показать мне созвездие Кассиопеи. Но у него ничего не получалось, так как очень неудобно было ориентироваться по его руке, просунутой через решетку забора.

— Нет, мне это уже надоело! — ругнулся он и поднялся на ноги. — Отвернитесь, мисс София.

Я удивленно наблюдала за ним снизу, сидя на земле. Что он задумал? Мужчина принялся стягивать с себя рубашку. Я смутилась и опустила голову. Через минуту до меня донесся плеск — Роберт огибал ограду вплавь, по воде. Я сидела, не смея поднять глаза.

— Я уже оделся, отомрите, мисс, — произнес

Роберт насмешливо. Я подняла голову. Он стоял рядом, с волос капала вода, одежда была чуть влажной, ведь он натянул ее на мокрое тело. Роберт уселся рядом со мной и продолжил разговор с того места, на котором мы остановились, словно ничего особого не произошло. Сначала я смущалась, ощущая волнуемое мужское присутствие так близко. Но потом увлеклась и через десять минут уже и забыла, что нужно испытывать неловкость и стеснение.

С этого дня он каждый раз встречал меня с моей стороны ограды.

Роберту было двадцать два. Он был единственным сыном приходского священника из Суффолка. С детства увлекался механикой и физикой. В пятнадцать лет самостоятельно смастерил велосипед. И ни разу не усомнился, какую профессию выбрать в жизни.

До чего же интересно он рассказывал! Самый обычный камушек на его ладони обретал увлекательную историю и свою собственную жизнь, от рождения в недрах земли до появления в его руке. Мне казалось, что Роберт — прирожденный педагог, и ученики должны обожать его. Он забывал обо всем, страстно описывая паровую машину, толкающую поезд, механические повозки и большие мощные телескопы, в которые можно увидеть Венеру и Марс. Его лицо дышало

восторженностью и азартом. Он заражал своим пылом, и я внимала каждому слову, подпадая под его мощное обаяние.

— Вы бы слышали проповеди моего отца по воскресеньям! — смеялся Роберт. — Вот кто настоящий оратор!

— Вы талантом пошли в отца, — отвечала я. — Никогда не хотели стать священником?

— Нет, — задумчиво ответил мужчина, — всегда хотел быть инженером, физиком или геологом.

— Наверное, я слишком материалист, — добавил Роберт через некоторое время.

— Материалист? — тихо переспросила я. — Как это? Вы что, не верите в Бога?

Я повернулась к Роберту и мрачно уставилась ему прямо в глаза. Он улыбнулся краешком губ. А я вдруг ощутила, что мои губы непроизвольно растягиваются вслед за его. Какая же у него обаятельная и красивая улыбка! Внутри все затрепетало, словно под кожу забрались бабочки.

— Мисс, вы бы слышали наши споры с отцом о божественном происхождении человека и жизни на земле, — таинственно прошептал он, — чуть до драки не доходит...

— Вы что, последователь мистера Дарвина?! — округлила глаза, стараясь казаться серьезной. — Вы один из тех молодых людей,

которые думают, что мы произошли от обезьян?!

И добавила обиженно, надув губы:

— Я что, похожа на обезьянку?

— Ни капли, — улыбнулся Роберт. — Вы самая красивая девушка на свете, мисс София. И если теория мистера Дарвина верна, то ваша предшественница была принцессой среди обезьянок.

Я не могла дальше дуться и приснула в кулачок.

— Вы льстец, мистер Уайт! — и смущенно опустила голову.

— Нисколечко, — ответил Роберт хрипловатым голосом. Я подняла глаза и встретилась с его пристальным взглядом, — я всегда говорю только правду.

* * *

Он показывал мне известняк и перламутровые раковины, панцири моллюсков, выброшенные на берег, частицы слюды и кварца. В руках Роберта каждая раковина, каждый камешек превращались в удивительную находку. Он увлеченно рассказывал о том, как веками ветер, дождь, солнце разрушали горы, осыпали скалы, дробили камни, превращая их в миллиарды песчинок, делая из них песок, на котором мы сидим. Это было очень интересно и

познавательного, но больше всего мне нравились его рассказы о звездах и созвездиях. Я все-таки нашла Большой Квадрат Пегаса и рассмотрела туманность Андромеды.

— Когда-нибудь наши потомки обязательно полетят к звездам, — взволнованно говорил он, сидя на пляже, подняв голову к небу и опираясь руками за спиной. — Вы читали Жюль Верна? «С Земли на Луну», например?

— Нет, к сожалению, — ответила я, исподтишка рассматривая рельеф напрягшихся на руках мышц, четко проступающих через тонкое полотно его рубашки. Закатанные до локтей рукава открывали крупные сильные руки человека, привыкшего к физическому труду.

— Почитайте обязательно, — страстно продолжал Роберт, — очень интересно!

— Боюсь, что путешествия на Луну вряд ли меня заинтересуют, — рассмеялась я, — вот если бы он писал о том, как удачно выйти замуж или руководство по привлечению завидных женихов...

— Думаю, баронесса, у вас не будет сложностей с реализацией этой задачи, — сухо произнес Роберт, глядя в сторону. Впервые на моей памяти за две недели почти ежевечерних встреч он вспомнил о моем титуле. После того раза, когда он говорил о наследницах и о нашем пансионате, мы больше ни разу не заговаривали о социальном

неравенстве.

— А давайте я нарисую ваш портрет? — мне хотелось сделать ему что-то приятное.

— Это, пожалуй, единственное, что у меня получается лучше, чем у вас, — рисовать, — лукаво добавила я.

Роберт мгновенно оттаял.

— Мисс София, вы даже не представляете, сколько у вас удивительных талантов, гораздо более выдающихся, чем у меня.

Ну вот, опять он смущает меня комплиментами. И я не могу оторвать глаз от его лица, от улыбки, от смеющихся прищуренных глаз...

Взяв альбом, широкими штрихами стала наносить контур головы. Роберт немного смущенно приподнял брови и спросил:

— Мне нужно как-то позировать? — я мотнула отрицательно головой. — Признаюсь честно, меня впервые рисуют.

— Не отвлекайтесь, — улыбнулась я, — продолжайте занимать меня беседой, у меня прекрасно получается и рисовать, и слушать вас...

Роберт рассмеялся, откидываясь назад и вновь опираясь на руки. Я невольно залюбовалась четким профилем, рельефными мышцами на плечах и груди.

— Хорошо, тогда слушайте рассказ о моем

первом провале. В шесть лет я решил сделать себе телескоп, — таинственным голосом начал он. — Украл у отца очки, дело стало за трубой...

Роберт рассказывал, а я беззастенчиво любовалась им. Следила за выразительными красивыми губами, наблюдала, как двигается кадык на горле, как неосознанно, привычным движением мужчина стряхивает песок с ладоней или убирает челку со лба, а моя рука, словно живя своей собственной жизнью, порхала над бумагой, перенося на белый лист толику его обаяния и привлекательности.

— А моя жизнь скучна, — через некоторое время улыбнулась, откладывая альбом. Стемнело, и я почти не видела, что рисую. — Я самая обычная девушка. Совершенно неинтересная. Школа, манеры, осанка, этикет...

Мне хотелось тоже что-то рассказать о себе, но ничего не приходило на ум. У Роберта жизнь была более насыщенной и разнообразной. Что я могла поведать? Как сплетничаем с подружками о шляпках? Или о представлении ко двору в следующем году?

— Не может такого быть! Я уверен, у вас очень интересная жизнь, и вам есть что рассказать, — убежденно заявил Роберт. Он аккуратно взял мою ладонь и начал легонько поглаживать тоненькие пальчики. — И я бы ни за

что не назвал вас неинтересной. Ваша красота, как солнечный луч, освещает тьму. Вы сияете ярче звезд на небе. Вы умеете слушать и сопереживать. Вы искренни, открыты и необыкновенно очаровательны...

Я вспыхнула от восторга. Так естественно и безыскусно это прозвучало. Ни капли лести или лицемерия. Словно он и вправду так думает (сама-то я считала себя неинтересной и скучной особой). Я смотрела в его глаза и видела отсвет отражающихся в них звезд, сияющих над нашими головами. Роберт, словно зачарованный, медленно наклонился ко мне. Меня окутало теплом и странным волнующим запахом его горячей кожи. Сердце застучало быстро-быстро, в горле пересохло... И тут я, словно очнувшись ото сна, резко отпрянула.

— Я вспомнила! — воскликнула дрожащим голосом. — Однажды, когда мне было то ли четыре, то ли пять лет, я чуть не утонула в ванной.

— Да? — прохрипел Роберт, опустив голову. Казалось, он забыл, как разговаривать, и с трудом справлялся с собственным голосом. Молодой человек тяжело вздохнул и поменял позу, немного отодвинувшись.

— Признайтесь, мисс, — в конце концов, произнес он, — вы хотели стать рыбкой?

— Да, — рассмеялась я, — наверное. Меня

тогда купала няню, и я решила показать ей, как долго могу задерживать дыхание под водой. Правда, я почему-то решила это продемонстрировать, когда она ушла за полотенцами. Я зажала нос пальцами и опустилась на дно ванны. Но, поскользнувшись, съехала и разжала руки. Потом не помню, наверное, в панике, вдохнула воздух, то есть воду внутрь, — я тараторила без умолку, жутко волнуясь от его серьезного вида, от напряженного тяжелого взгляда. — Пришла в себя уже в кровати, возле меня хлопотали доктор, мама, перепуганная няня и горничная. Внутри плескалась мыльная вода, было противно и стыдно, особенно после того, как няню уволили...

Роберт молча пристально смотрел на меня, я растерялась и смутилась от этого чисто мужского горячего взгляда.

— Вот такая история, — неловко пожала плечами. — После того случая я несколько лет боялась воды. И, конечно же, не плавала в водоемах.

Мы немного помолчали.

— Пожалуй, мне пора, мисс.

С этими словами Роберт сильно оттолкнулся руками от земли и одним изящным движением поднялся на ноги. Странно, он не протянул мне руку, как делал обычно, чтобы помочь подняться.

Быстро раздеваясь и вешая одежду на прутья решетки забора, он уверенно шел к морю. Я всегда отворачивалась в эти минуты, но не сегодня. Сегодня я зачарованно смотрела на широкие плечи, на обнаженную спину, сужающуюся к талии. На сильные мышцы ног, ягодиц. Золотистый загар покрывал гладкую манящую кожу. Я залюбовалась. Он был живым воплощением молодого бога. Гибкий, стройный, грациозный. Как Аполлон, мраморную статую которого я видела в музее в Лондоне, только гораздо красивее. Впервые я увидела вживую полуобнаженное мужское тело, и оно мне необычайно понравилось.

Роберт вплавь обогнул забор (мне показалось, что в этот раз он плыл дольше, чем обычно) и вышел на берег с другой стороны. Я мельком взглянула на выходящего из воды обнаженного мокрого мужчину и, вспыхнув, опустила голову. Как он прекрасен! И пусть было почти темно, и фигуру скрывали кусты, но в памяти намертво запечатлелась совершенная мужская красота. Сердце колотилось как сумасшедшее. Щеки горели, я боялась, что расплачусь от переизбытка чувств. Через некоторое время из-за забора послышался тихий шёпот:

— До завтра?

— До завтра... — эхом ответила, не поднимая головы.

Уже глубокой ночью я закончила портрет. Красивое открытое лицо смотрело на меня с листа и улыбалось. Губы изогнулись, словно готовясь произнести какую-то шутку. Чуть прищуренные глаза, растрепанные волосы, распахнутый ворот рубашки... Я поставила рисунок на стол, подперев стопками книг, и задумчиво рассматривала. Меня охватило странное нереальное, почти потустороннее состояние. Кожа покрылась мурашками, глазам стало горячо. Я сидела в кресле и десятки разных мыслей проносились в голове, а глаза не могли оторваться от портрета. Такое родное, дорогое лицо. Самое любимое лицо на свете. Сердце наполнялось мощным всепоглощающим желанием — видеть его всю жизнь, улыбаться, ловить ответную улыбку, быть рядом... Я смотрела и не могла насмотреться.

* * *

Ощущение недосказанности не покидало меня весь день. Что-то я вчера упустила, что-то важное, особенное... Днем мне в голову внезапно пришла ошеломительная мысль: вдруг он уедет, и я больше никогда его не увижу?! Я в панике металась по пансионату, коря и ругая себя, что за несколько недель даже не взяла его адреса! Наверное, у нас были сходные мысли, так как вечером, как только я

приблизилась к Роберту и протянула ему руку, он торопливо спросил:

— Долго вы еще будете здесь отдыхать?

— Месяц, а вы? — я с таким же нетерпением ждала ответа, сжимая кулачки. Роберт облегченно выдохнул:

— Почти до сентября, — и добавил: — Я могу вам написать в школу, мисс Софи? Вы будете читать мои письма?

— Я буду их ждать с огромным нетерпением, — ответила серьезно, отрывая листок альбома и записывая на уголке адрес.

Роберт взял мою руку и поднес к губам. Разжав ладонь, перехватил белый листик и нежно поцеловал в центр ладошки, потом провел указательным пальцем от запястья до пальчиков. Я зачарованно смотрела на темную макушку, чувствуя на коже теплое дыхание. Бабочки побежали по руке, по плечу и забрались в живот, щекоча его изнутри. Сердечко замерло.

Роберт лукаво посмотрел снизу вверх и быстро спрятал листик в карман брюк.

— Первое желание исполнилось, — с хрипотцой пробормотал он, — второе...

Его руки обняли меня и ласково притянули ближе. Меня окутало теплом его тела и свежим морским запахом, исходящим от кожи. Я не испугалась, только тихонько удовлетворенно

выдохнула. Это было и мое заветное желание. Именно здесь, в его объятиях, я и мечтала оказаться с утра. Подняла глаза и утонула в безграничной нежности, плескавшейся во взгляде Роберта.

Первый поцелуй. Долгожданный. Робкий, нежный, сладкий-сладкий... Трепетное прикосновение губ, теплое дыхание на щеке. Таинство, зарождающееся под темным небом. В тот вечер Роберт не рассказывал мне о минералах и не показывал созвездий. Гораздо ярче и ослепительнее эти звезды сияли в наших глазах. Мы целовались как сумасшедшие, и, казалось, ничто в мире не способно нас разъединить.

* * *

Любовь расцвела, как цветок под солнцем. Первая, кристально-чистая, упоительно-волшебная. Я забыла обо всем на свете. О титуле, школе, родителях. Я забыла себя, потерялась в этих жарких днях и коротких летних ночах. Я забыла, что осталось меньше месяца каникул, я забыла, что скоро мне предстоит поездка в Лондон на ярмарку невест и представление ко двору. Это было так несущественно по сравнению с великой, могучей силой эмоций, захлестнувших меня тогда, в то прекрасное лето.

Только бы поскорее опять увидеть его

улыбку, только бы удалось выскользнуть из корпуса, только бы успеть ухватить ускользящее счастье быть с ним, касаться его, целовать его... Я бежала на свидания, и сердце колотилось у меня в груди.

Думаю, многие заметили, что я изменилась. Я светилась изнутри, и улыбка не покидала моих губ. Однажды утром после завтрака Лилия приперла меня к стенке.

— Ты влюбилась!? — ахнула она после моего краткого рассказа о Роберте. — Это же прекрасно! Боже, как я тебе завидую!

Я рассмеялась и закружила по комнате.

— Лили, это сказочно! — пропела я. — Ты не представляешь, как я счастлива!

— Я рада за вас, мисс Нордвик, — чопорно поджала губы Лили, — но что ты будешь делать дальше? Ты подумала? Родители? Школа?...

— Нет, еще не думала, — беззаботно ответила я. — Мы пообещали писать друг другу. Кстати, можно я дам и твой адрес, а то у воспитателей могут возникнуть подозрения, если мне начнет вдруг приходиться много писем?

— А ты уверена, что их будет много? — лукаво спросила Лили.

— Уверена! — рассмеялась я. — Ты не представляешь, какой он чудесный! Он самый лучший человек на свете! Самый красивый! И

такой умный!..

— Все-все, хватит! — замахала руками подруга. — Я все поняла! Как хорошо, что я не влюблена, иначе тоже стала бы такой же, как ты, сумасшедшей.

— Я не сумасшедшая! — радостно возразила ей. — Я на седьмом небе от счастья!

Лилия только смотрела на меня и иронично качала головой.

* * *

Странно, но усталости после бессонных ночей совсем не чувствовалось. Успевая поспать всего пару часов, я выглядела так мило и свежо, словно провела в своей постели всю ночь.

Мы открывали целый мир, наполненный волшебством. И в этом мире завораживающий мужской голос звучал в темноте ночи, рассказывая о вулканах и механических изобретениях, ему вторил более высокий и звонкий мой. Но чаще всего мы сидели и молчали, тесно прижимаясь друг к другу. Шучу! Конечно, мы не просто сидели — мы целовались.

После того как я открыла для себя сладость поцелуя, уже не могла ничего с собой поделаться. Я все время жаждала его прикосновений. Я тянулась к его губам, они манили меня, словно самое вкусное

лакомство. Я стала ненасытной и одержимой теплом его кожи, его запахом, ласковыми руками.

— Пощади меня хоть немного, — шутливо стонал Роберт, с нежностью обхватывая ладонями мое лицо, — я и так давно уже не сплю. После наших встреч я как тяжелобольной старик — руки трясутся, голос не слушается, колени подгибаются...

— Ты заболел? — шепнула ему в губы, слабо понимая, о чем он говорит.

— Да, — ответный шепот, — я заболел тобой. Ты — моя болезнь и мое лекарство.

* * *

Дни бежали все быстрее и быстрее. Пролетали, словно кометы, которые мы иногда видели на темном небе. Я почти не помнила, чем занималась днем, я жила вечерами и ночами.

Если мадмуазель Буше и замечала что-то, то никак не комментировала свои подозрения. Она и сама часто пропадала то на полдня, то почти на целый день. Неужели у нее тоже появился кавалер? Если бы это оказалось правдой, то я бы искренне за нее порадовалась. В ее двадцать шесть лет давно пора было иметь семью (по крайней мере, подружки мне говорили, что старыми девами становятся где-то в двадцать четыре-двадцать

шесть).

Забегая наперед, скажу, что действительно, после того, как компаньонка доставила меня обратно в школу, она уволилась и уехала в Францию. Мы все недоумевали и могли только догадываться, кого она встретила в Торки — свою любовь или потерянных родственников. Но, как бы то ни было, этим летом я была предоставлена сама себе.

И ощущала себя самым счастливым человеком на свете. Словно Роберт — именно Он. Тот, о ком я читала в детстве в сказках. Тот, о ком мы с девчонками вздыхали вечерами, поверяя друг дружке свои сокровенные мечты о прекрасном принце. Настоящий, истинный. Герой, рыцарь, воин. Мой идеал, мой любимый, мой единственный...

Лилия смеялась, выслушивая мои восторженные отзывы о Роберте:

— Это у тебя на глазах розовые очки! Вот увидишь, стоит только разлюбить, и он сразу же перестанет быть таким идеальным.

— Как можно разлюбить? — удивилась я. — Разве любовь не одна на всю жизнь?

— София, ну ты даешь! — расхохоталась подруга, она в свои семнадцать была (ну, или считала себя) умудренной опытом. Когда ей было четырнадцать, она влюбилась в своего кузена —

Патрика Фолриджа, баронета. Но тот не ответил ей взаимностью. Лилия пострадала, поплакала (роль жилетки в школе для нее исполняла я) и разлюбила... И вот сейчас она считала себя опытной в любви девушкой. А на меня смотрела снисходительно. Ведь у меня в семье не было кузенов, папа был единственным сыном. Так что тренироваться было не на ком.

— Я не хочу, чтобы моя любовь заканчивалась, — отвечала Лилии, — я никогда не была так счастлива. Я готова обнять весь мир! Я готова кричать о своей любви всем людям!

— Кричать не нужно, — Лилия скептически поджала губы и лукаво добавила: — Покажешь его? Или это секрет?

— Конечно, я вас познакомлю! — воскликнула я. — Вот увидишь — вы понравитесь друг другу.

Знакомство состоялось в тот же вечер. Мы с Лилией вместе сбежали после захода солнца от остальных, хотя и пришлось немного опоздать на встречу. Роберт уже ходил взад-вперед на нашей стороне территории.

— Лили, это мистер Роберт Уайт, — веселясь, как игривый жеребенок, представила я их друг другу. — Роберт, это леди Лилия Бегшир, моя лучшая подруга. Мы вместе учимся в Солентон.

Роберт с серьезным видом поклонился.

— Очень приятно, миледи. София много рассказывала о вас, — произнес он.

— Знали бы вы, сколько София рассказывает о вас, мистер Уайт! — рассмеялась Лилия. — Я ожидала увидеть здесь короля Артура и Леонардо да Винчи в одном лице. Для Софи вы — рыцарь в сверкающих доспехах.

Я покраснела и опустила голову. Мне было ужасно стыдно. Казалось, что сейчас Роберт посмеется надо мной, над моим детским восхищением и восторженностью. Через мгновение я почувствовала теплую ладонь, охватывающую мои пальчики. Роберт нежно взял мою руку и поднес к губам. Смущенно подняв глаза, встретилась с таким откровенным восхищением и нежностью, что мое сердце сладко замерло. Я смотрела в его глаза — огромный бесконечный мир был заключен в них. Мы даже не заметили, когда ушла Лилия. Нам казалось, мы одни на свете и вся Вселенная принадлежит только нам.

— Он красавчик, — на следующее утро после завтрака объявила мне Лилия, — и явно любит тебя. Он так смотрел...

Я, слегка покраснев, смущенно улыбнулась.

— Как? — заинтересованно уточнила.

— Словно ему хотелось тебя съесть! — Лилия шутливо показала зубы и зарычала. Я бросила в нее подушкой.

— Хватит шутить! Я серьезно!

— А если серьезно, Софи, — она тут же нахмурилась, — он, конечно, симпатичный. Но ты только посмотри, как он одет! Дешевые брюки, застиранная рубашка... Стоптаные туфли... Хоть и начищенные.

— Я ничего не заметила, — буркнула я, — и это совершенно неважно. Я люблю его не за одежду.

— Я верю тебе, подружка, — вздохнула она, — но что скажут твои родители?

— Они полюбят его, — быстро ответила я. — Он умный. Закончит Кембридж, найдет работу...

Лилия скептически скривилась.

— Работу? — уничижительно протянула она. — А ты будешь готовить ему обеды и стирать белье? Ты когда-нибудь это делала?

Я отмахнулась.

— Нет, конечно. Найдем служанку, мама и папа помогут, — ответила ей. И добавила чуть обиженно: — Ты что, против нашей любви? Я думала, ты поддерживаешь меня.

— Ты такая наивная, Софи, — немного сконфуженно рассмеялась Лилия, — но я искренне желаю тебе счастья. И если нужно — помогу.

— Спасибо, — я подошла к подруге и мы крепко обнялись. Хоть Лилия и бывала иногда весьма резкой и ехидной, но я любила ее. И за ее

сарказм в том числе.

Лето заканчивалось. Море потемнело, с пляжа все чаще дул холодный ветер. И мое сердце тоже охватывал ледяной озноб.

Оставалось четыре дня.

Три.

Два...

* * *

— Завтра мы уезжаем, — я прижалась к Роберту изо всех сил, пытаюсь пробраться к нему внутрь, под кожу, свернуться клубочком рядом с сердцем и остаться там навсегда. Весь день я героически держалась и не давала воли слезам, но сейчас, увидев потухшие глаза Роберта, его заострившиеся скулы, напряженную фигуру, сорвалась, и они потоком хлынули из глаз. Сильные родные руки лихорадочно стискивали меня в объятиях, губы собирали соленые капли со щек, а хриплый голос шептал, не переставая:

— Любимая моя, Софи... любимая... любимая...

— Ты мне часто будешь писать? — бормотала я между всхлипами.

— Каждый день.

— Ты не забудешь меня?

- Никогда!
- Ты приедешь ко мне в школу?
- Да, обязательно.
- Ты будешь любить меня?
- Вечно!

* * *

Казалось, жизнь кончена. Казалось, от тоски разорвется сердце, а я больше никогда не смогу вдохнуть полной грудью. Губы опухли от поцелуев, голова гудела после бессонной ночи, но сильнее всего болела душа. Я случайно заметила на перроне Роберта (хоть мы и договорились, что он не придет провожать). Он стоял, тяжело опираясь на каменную колонну, засунув руки в карманы, и провожал поезд хмурым безнадёжным взглядом. «Он не верит, что я буду писать? Он прощается со мной навсегда? Почему он не подошел? Плевать на учителей, зато я в последний раз поцеловала бы его»... Сотни тревожных мыслей лезли в голову, мыслей малодушных и недостойных.

Я благодарна судьбе, что нас сразу же отправили в школу, не давая возможности побывать дома. Не знаю, что бы я сказала родителям. Хотя, возможно, они бы и не обратили внимания на мой понурый вид, у них своих переживаний достаточно. Адель, например.

Мадмуазель Буше уехала в замок Нордвик. В школе со мной осталась только горничная Мэри.

Теперь Лилия стала для меня опорой и поддержкой. Только с ней я могла поговорить о Роберте. Она выслушивала мои бессвязные мольбы и стенания, она утирала мне слезы. Наша дружба окрепла именно тогда, когда Лилия прятала меня от взглядов учителей, говоря всем, что «Софи плохо себя чувствует, ее укачало» или «она отравилась и не будет ужинать со всеми».

Помня о своей несчастливой первой любви, она всячески поддерживала меня и успокаивала.

— Все пройдет, ты забудешь его, — шептала она ласково.

И тут я вспыхнула.

— Почему я должна его забыть? — спросила тихо. — Я не хочу его забывать!

— Но ведь он не дворянин, — пробормотала Лилия осторожно, — он не пара тебе...

— Почему не пара? — нахмурилась я. — Оставь эти средневековые предрассудки, Лили. Сейчас другое время. Мы живем почти в двадцатом веке. Я выйду за него замуж. (Впервые я озвучила эту идею (и самой себе в том числе), и она показалась мне очень естественной.) Моя любовь обязательно будет счастливой! Ведь это так правильно — выйти замуж за любимого человека.

Лилия скептически на меня смотрела, но

молчала, боясь обидеть.

— Окончу школу и выйду замуж за Роберта, — окончательно подвела черту в разговоре. — Остался всего год. А пока... Буду писать письма.

Приняв решение относительно своей будущей жизни, я немного успокоилась. Нужно только год потерпеть, и я буду с ним. Мы обязательно поженимся. И будем счастливы.

* * *

Началась учеба. Как можно сосредоточиться на склонениях, когда в ушах еще звучит хриплый шёпот «Люблю тебя»? Приходилось с трудом брать себя в руки, заставляя пальцы бегать по клавишам фортепиано, а память выискивать правильные глаголы и формулировки. Постепенно я вошла в обычный ритм школьной жизни и перестала рыдать по ночам в подушку. Особенно после того, как начали приходить письма.

Они приходили пачками. Почти каждую неделю. Учителя неодобрительно косились, но я объяснила, что переписываюсь со студентом Кембриджа, мы обмениваемся научными работами и лекциями по естествознанию.

Иногда письма приходили на адрес Лилии, и она со смешком передавала мне конверты. Они

стали моей отдушиной и успокоением. Ими я жила и дышала. По двадцать-тридцать раз перечитывала каждое, смаковала каждое слово, каждую фразу, заучивала наизусть. И писала ответы...

«Как сильно я люблю тебя! Люблю твою улыбку, твои глаза и губы. Твою чистую душу, искренний смех. Как же я тоскую по тебе, Софи, милая моя Софи. Не могу ни на чем сосредоточиться. Люблю как безумец, как сумасшедший, как дикарь. Хочу сделать тебя своей, только своей, навеки. Стоит мне посмотреть на звезды — и я вспоминаю тебя и как мы смотрели на них вместе. Приходит ночь — и я мечусь как зверь в клетке, не имея возможности повидать тебя. Закрываю глаза и вижу твое прекрасное лицо. Я тоскую и медленно умираю. Боюсь, когда мы снова встретимся, ты меня не узнаешь, так я похудел».

«Я узнаю тебя с закрытыми глазами. Мое сердце узнает тебя. Больше всего на свете я хочу тебя увидеть. Я рисую тебя каждый день. На уроках за партой и каждый вечер в своей комнате. Я рисую тебя во сне и наяву. Лили смеется надо мной, говорит, что в моей комнате твоих портретов больше, чем оставшихся чистых листов в тетрадках».

«Люблю. Люблю. Люблю. Готов повторять это бесконечно. Ты будешь смеяться, но мне даже легче стало, когда я написал слово «люблю» раз

пятьсот. Исписал три листа бумаги одним-единственным словом... Я сумасшедший...»

«Тогда и я сошла с ума! Пришли мне эти листы. Я буду перечитывать их перед сном, когда тоска начнет окончательно поглощать меня. Думаю, лучшей книги мне не найти и во всей школьной библиотеке...».

«Все, что делаю, я делаю для тебя. Все, что мне интересно, что я учу и мастерю, что придумываю и изобретаю — все для тебя. Только для тебя. Я хочу стать достойным тебя».

«Ты и так достойнее многих, Роберт. Ты самый достойный из всех, кого я знаю. И я люблю тебя не за твои достоинства или ум. Пусть ты и не станешь знаменитым, я все равно буду любить тебя».

«Я не смогу ждать год, до начала каникул, я приеду к тебе между семестрами. Пусть на один день, но я больше не могу жить, не видя тебя. Буду двадцатого ноября. С вокзала пришлю телеграмму на имя Лилии».

Как только я прочитала эти строки, сердце чуть не выскочило у меня из груди. Он придет! На день! Тут же понеслась к Лилии с радостной новостью. Мы стали придумывать, как я смогу выскользнуть из пансиона. Конечно, все ученицы знали лазейки в ограде, но уйти на целый день нам никто не позволит. Да и горничная может что-то

заподозрить. В итоге мы договорились, что я «страдаю от женских недомоганий» и проведу целый день в комнате. А Лилия останется и за меня, и за себя (хорошо, что наши спальни рядом). Именно она будет лежать одетой в кровати в моей комнате и стонать (когда это понадобится). Но на обед и ужин подруга появится, чтобы сообщить всем желающим, что она «будет сидеть с бедной Софией в ее спальне». План был так себе, но ничего другого придумать мы не смогли. Лилия украла для меня у своей горничной простой темный плащ, чтобы прикрыть дорогую одежду и обувь, если вдруг встречу кого по пути из школы или при возвращении.

Двадцатого утром пришла телеграмма «На развилке возле часовни святого Иосифа весь день».

Наверное, у меня на время выросли крылья. Часовня была в нескольких милях от школы, но я не заметила дороги. Эти мили я пробежала, казалось, за минуту. Роберт ждал меня возле почтового столба с указателем, в дорожном костюме, через руку было перекинута пальто. Небольшой саквояж стоял рядом на обочине. Я, не останавливаясь, бросилась в раскрытые объятия. Не могла вымолвить и слова, только иступленно целовала любимое лицо, гладила плечи, руки, вдыхала родной запах и плакала от счастья.

— Софи! Боже мой, Софи, — шептал Роберт

между лихорадочными поцелуями. — Любимая моя...

Наверное, только в семнадцать лет можно без оглядки, наплевав на мораль, этикет и нормы поведения, предаваться безумию. Только в семнадцать любовь бывает такой головокружительной и страстной, без сомнений, без неуверенности. Мне казалось, нам все по плечу, мы преодолеем любые препятствия, ведь главное — мы любим друг друга.

— Ты попросишь у родителей моей руки? — шепнула я, спрятав залитое слезами лицо на его груди. Уткнулась носом в шерсть сюртука и положила ладонь туда, где находилось его сердце, прислушиваясь к бешеному стуку.

— Да, попрошу, — без колебаний твердо ответил Роберт. Я подняла голову и утонула в его глазах. Он был серьезен и даже немного хмур. Словно готовился к смертельной схватке. — Я даю тебе слово, Софи, мы будем вместе.

Легкая дрожь в голосе выдавала его волнение. Но во взгляде горел огонь решимости и упорства. И я поверила ему. Поверила, что Роберт сможет уговорить моих родителей. Мы сможем. Ведь Роберт самый умный и обаятельный на свете. Он обязательно понравится родителям.

Роберт подхватил свой саквояж, и мы медленно пошли по направлению к часовне.

Сегодня в ней было пусто, нам повезло, что не было никого из прихожан, да и путников на дороге в этот день не было. Несколько раз за день мимо часовни проезжал дилижанс, на нем и приехал Роберт, но до следующего было еще много времени. Мы уселись на скамью и прижались друг к другу.

— У меня здесь немного еды, — произнес Роберт, открывая саквояж, — несколько сэндвичей и сыр.

Я обрадованно потерла руки. Перед встречей так нервничала, что выскочила из школы, не позавтракав.

— Когда мы объявим о нашей помолвке? — спросила с набитым ртом.

Роберт с ласковой улыбкой смотрел на меня. Поцеловал в уголок рта, тронул выбившуюся из-под шляпки прядку, взял мою ладонь и прижал к своей щеке.

— Я хочу все-таки подождать до окончания Кембриджа, Софи, — ответил он, вздыхая. — У меня будет больше шансов произвести впечатление на твоих родителей, если будет диплом. Возможно, к тому времени я уже найду работу.

Роберт смотрел на меня как на самое дорогое существо на свете.

— Ты знаешь, я немного опасаюсь, — добавил он со смешком, — ты все-таки дочь виконта, а я — простой студент...

Я отмахнулась.

— Мои родители — прогрессивные люди. Они не подвержены порокам снобизма и высокомерия. Я уверена, ты им понравишься. Мама всегда негодовала, когда мы говорили о классовом неравенстве.

— Тогда мне крупно повезло с будущими родственниками, — улыбнулся он и обнял меня еще крепче.

Мы так и просидели почти до вечера на скамье, тесно обнявшись, и никакая сила в мире не смогла бы нас разъединить. Даже холод и сырость не были нам страшны — любовь согревала лучше всякой печки.

Как наивна первая любовь! Как беспечна и легкомысленна. Сейчас, спустя почти двенадцать лет, я могу только саркастически улыбаться, вспоминая себя в то время. Вспоминая свои глупые девчоночьи мечты.

* * *

На Рождество я поехала домой. За время моего отсутствия атмосфера в доме еще больше накалилась. Адель проводила зиму в Ницце. Маме удалось уговорить дедушку дать денег. Для внучек он не жалел ничего, но вот зятю отказывал постоянно. Папа ругался, мама огрызалась в ответ.

На меня никто не обращал внимания. Праздники прошли грустно и уныло. Даже традиционная елка, украшенная в столовой, не радовала. Я целыми днями сидела в своей комнате, рисовала Роберта, перечитывала его письма и мечтала.

И опять школа. В феврале мне исполнилось восемнадцать. Роберт прислал музыкальную шкатулку. При поднятии крышки играла нежная мелодия, а в центре распускался цветок, раскрывая розовые лепестки, сделанные из ткани, натянутой на каркас из проволоки. И пусть выглядела шкатулка немного коряво и простовато, но я была в восторге: Роберт написал, что сделал ее своими руками. Я целыми днями слушала незатейливую мелодию, пока Лилия не сказала, что если я еще раз открою шкатулку — она ее сломает. После этого наслаждалась своим подарком только в одиночестве. Мама с папой прислали жемчужное ожерелье и поздравительную открытку, в которой сообщали, что представление ко двору состоится сразу после Пасхи в Сент-Джеймском дворце.

Я всей душой ждала этого знаменательного события. Мы с Лилией уже раз сто, наверное, репетировали ритуал приближения к королеве, глубокий «церемониальный» реверанс, поклоны и отход назад (королевой попеременно были то я, то Лили). Портнихе уже было заказано платье с роскошным шлейфом. Туфельки, перья, украшения

— все было готово. После представления мы становились полноправными членами аристократического общества, могли появляться в свете, посещать балы и театры. Мы с Лилией радовались и шутили, что будем самыми красивыми дебютантками на открытии сезона. (Как такие планы соотносились с моими намерениями выйти замуж за Роберта, даже не знаю. Тогда я не задумывалась об этом.)

Ах, молодость, молодость! Я весьма смутно понимала, что такое долг, ответственность, обязанности. Для меня все было просто. Я люблю — значит, выйду замуж за любимого! Я хочу на бал — значит, поеду на бал! Я мечтала увидеть королеву и двор, жаждала надеть платье со шлейфом и торжественно пройти по тронному залу (и чтобы обязательно все мужчины смотрели на меня с восхищением). Хотела покорить Лондон — и в то же время хотела быть с Робертом. Только в восемнадцать лет можно не замечать нестыковок в таких жизненных планах.

Но мы были счастливы, молоды и беспечны. И Лилия так же, как и я, планировала блистать в свете. Только она, в отличие от меня, еще и хотела встретить свою любовь.

Письма приходили по-прежнему. Сердце замирало от восторга, когда я читала написанные рукой Роберта строчки: «Люблю тебя больше

жизни. Благодарю Бога, что встретил тебя на своем пути. Ты мое счастье, мое солнце, мое вдохновение. Я повторяю бесконечно — я люблю тебя, милая моя Софи».

И слезы наполняли глаза, когда любимый писал: «Со страниц всех книг на меня смотрит твое лицо. В каждой женщине я вижу тебя, в коридоре университета слышу твои легкие шаги, твой нежный голос звучит в аудиториях. Я чувствую твой чарующий аромат, твое дыхание. Я схожу с ума, Софи. Без тебя я мертвец, беспризорник, нищий душой и телом. Твоя любовь наполняет мои крылья ветром, а душу — светом жизни».

Мы договорились, что после окончания школы и представления ко двору я напишу Роберту. К тому времени он получит диплом. Потом — наша помолвка. Возможно, придется подождать полгода или год (как папа с мамой скажут) и мы поженимся. Этот план я изложила Роберту, и он со всем согласился. Правда, выразил в шутливой форме опасение, что на балу я могу найти себе молодого аристократа и забуду о бедном влюбленном студенте. Я в ответ написала, что пусть недостойные мысли не посещают его — я безумно, бесконечно, страстно люблю именно студента.

* * *

Наш особняк находился в Вест-Энде, как и все приличные дома аристократов, проживающих в Лондоне. В одном квартале к северу от нас жила семья Лили. Граф и графиня Бегшир были хорошими мамиными знакомыми. Мы с Лилией договорились каждый день гулять по утрам в парке.

Сразу по приезде мы с мамой нанесли визит дедушке, который жил в Хэмпстеде, в красивом большом доме с мраморными атлантами, поддерживающими балконы (немного вычурно, на мой взгляд, но дедушка был в восторге от своего дома). Мама была его младшей и самой любимой дочерью. У нее было еще две старшие сестры, которые так же удачно вышли замуж (каждой дедушка дал огромное приданое и выбрал достойного мужа). Одна тетя жила во Франции, ее я никогда не видела. А вторая тетя, баронесса Дюваль, обитала в Лондоне и частенько заезжала к нам на чай и посплетничать с мамой.

Папа грубо отказался от предложения поехать с нами. Сказал, что тесть его не жалуется, и ему незачем притворяться, что он любит его. Он почти все время пропадал в клубе со своими давними друзьями, с которыми был знаком еще по Итону, и домой возвращался поздно вечером. На вопросы мамы за завтраком, где он пропадал, папа отвечал, что они в клубе обсуждают реформы.

— Что-то было не похоже, чтобы ты

интересовался этим раньше, — бывало, насмешливо произносила мама, — неужели собрался баллотироваться в парламент?

— Не говори ерунды, Амалия! — раздраженно бурчал отец. — Если Гладстон, как и обещал, проведет земельную реформу и заставит распродать крупные владения по мелким участкам, то нам всем придет окончательный крах.

— Какой крах, Роланд? — фыркала мама. — Тебе давно нечего бояться, потому что нечего продавать.

После этого папа резко вставал из-за стола и уходил к себе. Или садился на Ареса (своего вороного) и ехал на прогулку в парк. Обедал он чаще всего в клубе.

За месяц, предшествовавший представлению ко двору, я успела перезнакомиться со всеми мамиными подругами. Я выпила галлоны чая и съела тонну пирожных. Мое лицо болело от улыбок, а ноги подкашивались от реверансов и приседаний. Я выслушала столько сплетен и новостей, что хватило бы на толстый том. Сама я чинно сидела рядом с мамой и только кивала со словами «Да, миледи», «Конечно, миледи», когда ко мне обращались. «Какая воспитанная и милая девочка!» — восклицали все вокруг. А эта девочка вечерами рисовала постороннего мужчину и мечтала о поцелуях.

Наконец долгожданный день настал. В белоснежном платье со шлейфом я была похожа на сказочную принцессу. Чутьочку смущали глубокий вырез и открытые плечи, но таковы были требования этикета. Лента, удерживавшая на голове три традиционных пера, была украшена вышивкой и бриллиантами. Мама волновалась, наверное, еще больше меня.

— Не сутулься, Софи. Спину ровно. Смотри не упади, когда будешь идти назад. Держи шлейф левой рукой...

И прочее, прочее, прочее. От ее указаний голова шла кругом. Но я не ворчала. Этого события каждая девушка ждала чуть ли не с пеленок. И ничто не могло омрачить мое праздничное настроение.

Огромный зал в Сент-Джеймском дворце был переполнен. Дебютантки со своими поручителями ждали, когда их вызовут к трону. Стайки девушек сгруппировались по социальному статусу. Аристократки (их было немного) стояли отдельно. Дочери промышленников, банкиров (их сразу было видно по обилию драгоценностей и вызывающим нарядам) отдельно. Совсем маленькая группа дебютанток, одетых попроще, (скорее всего,

дети военных или священников) жались возле окна.

В одной из длинных галерей мы встретили леди Бегшир с Лилией. Подружка была похожа на меня как две капли воды: белое платье чуть выше щиколоток, расшитый шлейф, три белоснежных пера. Только волосы были темнее и короче. Узкое треугольное личико дышало азартом и ожиданием чуда.

— И как королева будет нас отличать? — поинтересовалась я, наклонившись к Лилии. — Все дебютантки словно близнецы.

— Не переживай, для этого есть лорд-гофмейстер. Он передаст твою карточку в руки королеве. Правда, вряд ли она тебя запомнит, — хихикнула Лилия, — старушке уже семьдесят.

— Тише вы! — шикнули на нас матери.

И мы принялись ждать.

После того как прозвучало громкое «Леди София Антуанетта Октавия, баронесса Нордвик!», мы вошли в тронный зал. Сердце колотилось как ненормальное, я ничего не запомнила. Я шла к тронному возвышению, где сидела королевская семья, а в голове стучало: «Только бы не упасть, только бы не наступить на платье...».

Поклон, реверанс, цветы. Все. Я медленно пчусь назад, придерживая шлейф. Свершилось! Радость переполняет меня. Впереди — театры,

балы, светские развлечения.

— Ты молодец! — поцеловала меня в лоб мама. — Теперь двери Олмака открыты для тебя. В субботу там состоится бал, у нас уже есть приглашения.

Я захлопала в ладоши. Мой первый бал! Нужно написать Роберту, вот он обрадуется!

* * *

Роберт в последнем письме сообщал, что сдает выпускные экзамены и освободится только через месяц. Мы договорились, что после экзаменов он приедет в Лондон. Я дала адрес нашего особняка на Лонг-Акр-стрит. А сама вливалась в веселую шумную жизнь Лондона. Первый выход в театр. Первый музыкальный вечер у графини Монро. Первая утренняя верховая прогулка Гайд-парке.

Не знаю, откуда взялись деньги на мой сезон. Меня это не интересовало. Великолепные балы в Олмаке, веселые шумные вечеринки у графини Бегшир с картами, танцами, розыгрышами. Мне все ужасно нравилось, особенно после шести лет заключения в школе. Мы с Лилией наслаждались весельем.

Кавалеры, и титулованные, и не очень, уделяли нам пристальное внимание, приглашали на танцы, приносили напитки, приглашали на

прогулки в парк. Утром в гостиной собиралась стопочка карточек от ухажеров. Я улыбалась, принимая комплименты, танцевала вальс и кадрили, моя книжечка была расписана на недели вперед. Но сердце ни разу не встрепенулось, когда я встречалась взглядом с молодыми мужчинами. Я была права — Роберт лучше всех! Я не встретила никого обаятельнее и краше.

Мама каждый день интересовалась моими успехами по привлечению женихов. Но я отвечала, что никто не приглянулся. А сама думала: «Скорее бы уже Роберт сдал экзамены и приехал». Балы и танцы вскоре надоели, тоска все сильнее и сильнее сжимала сердце. Тем более что мы договорились не писать пока друг другу. Каждый вечер перед сном я исполняла свой обычный ритуал — ставила тот первый (он оказался самым удачным) портрет на стол, садилась напротив и перечитывала письма. Не все, конечно, их было слишком много. Основная часть покоилась на самом дне сундука, под бельем. Но своих любимчиков я держала на полке, рядом с книгами.

* * *

— Софи, я влюбилась! — зашептала мне на ушко Лилия, с трудом переводя дыхание.

Я сидела на скамье, подпирая стенку,

спрятавшись за широкими колоннами. Ноги уже гудели от бесконечных танцев, и я решила передохнуть. Тем более что мама занялась обсуждением сплетен с графиней Мерсисайд и не видела моего самоуправства.

— В кого? — я удивленно оглянулась вокруг. Лилия только что танцевала скоттиш, поэтому ее партнером мог стать кто угодно — танец предусматривал постоянный обмен парами.

— Лорд Бертон, сын маркиза Девони, — выдохнула она пылко. — Какой он замечательный! Такой веселый, внимательный...

Глаза Лилии блестели, румянец проступил на скулах, такой возбужденной я ее еще не видела.

Я нахмурилась, пытаюсь вспомнить этого молодого человека. Ничего не приходило в голову. Я не особо обращала внимание на окружающих нас мужчин, перед моими глазами стояло одно-единственное лицо — лицо моего любимого Роберта.

— Это такой темненький, с усиками? — наконец смогла я что-то припомнить. — Он присоединился к нашей компании на прошлой неделе?

— Да, — кивнула Лилия. — Он самый красивый на свете! Правда? Он сказал, что мои глаза как звезды, представляешь?

— Тонко подмечено! — рассмеялась я. — И

что еще он сделал?

— После танца он принес мне лимонад и поцеловал руку, — Лилия благоговейно уставилась на свою ладонь. Я тоже перевела на нее взгляд, ожидая увидеть как минимум ожог или отпечаток губ.

— Лорд Бертон подвел меня к маме и сказал, что с нетерпением ждет встречи завтра в парке на прогулке! — Лилия подняла глаза к потолку. — Ты же поедешь завтра со мной?

— Конечно, — кивнула я весело, — нужно ведь как следует рассмотреть этого твоего Бертона.

Молодой человек действительно был очень привлекательным. Постоянно шутил и дурачился. Слегка щеголеватый и слишком смазливый, на мой взгляд. Но возможно, я слишком критична и меряю всех по Роберту? Странно, почему мы его не заметили ранее? Ну, я-то понятно, а Лилия?

Средний сын маркиза Девони, лорд Бертон Луи Девони. Год назад он закончил Итон по специальности «адвокатское дело», собирался проявить себя на политическом поприще. С такой обаятельной улыбкой, думаю, он вскоре очарует весь электорат. Бертон не наследовал титула, но все равно был хорошей партией для Лилии. Лорд и леди Бегшир благосклонно восприняли новость об ухаживании молодого человека за их дочь.

О помолвке пока говорить было рано, но

молодого Девони стали выделять среди толпы кавалеров, охотно принимая его карточки. Лилия обязательно оставляла два танца Бертону, и каждый день на утренней прогулке они ехали рядом. Я с улыбкой смотрела на цветущую подругу, и сердце радовалось ее счастью.

* * *

Я же считала дни до приезда Роберта, когда вдруг случилось непредвиденное.

Был самый обычный день, я возвратилась с утренней верховой прогулки в хорошем настроении. Мама ждала меня в гостиной. Глаза ее горели восторгом и предвкушением.

— Девочка моя, — протянула она мне руки, — присаживайся рядом. У меня восхитительная новость!

— Какая? — улыбнулась я.

— К тебе посватался герцог Мелвилль! — выдохнула она. — Это такая удача, Софи!

— А разве у герцога есть сын? — простодушно спросила я. Я слышала о герцоге, правда, немного. Пусть мы были аристократами, но вращались в разных кругах, тем более что он был намного старше меня. Но кто не знает по именам самых титулованных особ Англии? Нам с малых лет в школе рассказывали о главных семействах

королевства.

— Нет, конечно, — возразила мама, — к тебе сватается сам герцог.

— Мам, — отмахнулась, скривившись, я, — так он же женат. Да и к тому же... — я задумалась, припоминая, — ему, кажется, за шестьдесят?

— Он развелся месяц назад, — мама не ответила на мою улыбку. Я немного напряглась.

— Мама, ты что? — я до сих пор воспринимала наш разговор как глупую шутку. — Это же позор — выйти замуж за разведенного мужчину.

— Софи, — голос мамы стал суше, — герцог стоит так высоко над простыми смертными, что даже быстрый развод никак не отразился на его репутации. Тем более, все знают: его первая жена была бесплодна. За двадцать лет брака она так и не подарила ему наследника.

— Мама, — я в панике уставилась на родительницу. Страшное подозрение постепенно охватывало меня, — он старше моего дедушки! Это невозможно!

Я резко поднялась с кушетки и направилась к лестнице.

— Софи, стой! — в голосе мамы зазвучали повелительные нотки. Я обернулась.

— Мама, я не выйду замуж за старика! — как можно тверже произнесла я. — Прошу меня

простить, мне необходимо переодеться.

— Ладно, поговорим вечером, — кивнула мне мама.

Я шла по ступеням вверх, а панические мысли не покидали мою голову. «Нет, не может быть, — твердила я себе, — мама не могла мне такого предложить. Это невозможно. Я сегодня же расскажу о Роберте, и мама поймет меня».

* * *

Ужинали в большой столовой в гробовом молчании. Удивительно, но за столом собрались все. Даже папа остался дома, а мама не поехала к сестре.

— Винтроп, можешь быть свободен, — обратился к лакею папа, когда мы уже приступили к десерту, и я почти успокоилась, что тяжелая тема не будет поднята. Но, видимо, зря надеялась. Слуга тихо прикрыл за собой дверь.

— Софи, — папа перевел тяжелый взгляд на меня, — Амалия сказала мне, что ты категорически отказалась рассматривать возможность принять предложение герцога Мелвилля. Это правда?

— Да, папа, — тоненько пискнула я.

— Я могу поинтересоваться почему? — папа пристально смотрел на меня. Мама отрешенно ковыряла ложечкой десерт.

— Герцог слишком стар для меня, — дрожащим голосом ответила я. Почему я объясняю родителям такие очевидные вещи? — Ему шестьдесят. И я совершенно не знаю его.

— Это поправимо, — возразил отец. — Когда объявите о помолвке, у вас будет несколько месяцев, чтобы узнать друг друга.

— Папа, мама, — я перевела растерянный вопрошающий взгляд на маму, — я не хочу замуж за герцога. Вы не понимаете...

— Чего мы не понимаем?! — вдруг резко вскричал отец, подскочив из-за стола. — Мы не понимаем, почему наша любимая старшая дочь отказывается подчиняться воле родителей?!

Я с ужасом смотрела на отца. Таким злым я его еще не видела. Он словно сошел с ума. Лицо исказилось от гнева. Глаза потемнели, а губы сжались так, что рот превратился в тонкую узкую щель. Руки настолько сильно сжимали бокал, что казалось, он сейчас рассыплется на осколки. Я всегда считала папу сдержанным и невозмутимым, настоящим джентльменом. И характер у него был даже мягче, чем у мамы. Это мама всегда первой шпыняла папу, пилила за безденежье, за проигрыши на скачках. Но сейчас близкий человек превратился в разъяренного незнакомца. Слезы мгновенно выступили у меня на глазах, в носу защипало.

— Роланд, успокойся, — миролюбиво произнесла мама, — ты напугал девочку.

— Наша девочка слишком свободолюбива и избалованна! — рявкнул отец. — Школа, экскурсии, пикники, подружки, курорты... А когда от нее потребовалось сделать что-то для семьи — «нет, я не могу»!

Я сжалась в кресле и дрожала как от озноба. Слезы бежали по щекам.

— Я уйду в клуб. Пока меня не будет, поговори с дочерью, Амалия, — бросил он. — Надеюсь, ты ее уговоришь...

Отец, даже не взглянув на меня, вышел из столовой. Мы с мамой остались одни. Я боялась поднять голову. Слезы тихонько капали на салфетку. Впервые столкнувшись с грубостью и непониманием родителей, я не знала, что делать. Оказывается, они не такие, как я себе вообразила. Нет, не может быть! Мама меня поймет. Она — женщина, и она говорила, что очень любила папу, когда выходила за него замуж.

— Девочка моя, — голос мамы немного дрожал, она тоже нервничала, — пойдём к тебе в комнату. Поговорим.

Я подняла заплаканное лицо. В глазах мамы светилось сочувствие. Да, маме я могу все рассказать. Я слегка взбодрилась.

Мы поднялись в мою спальню. Мама отослала

горничную, и мы устроились друг напротив друга.

— Чего ты боишься, Софи? — мягко спросила мама. — Все девушки хотят замуж. А стать герцогиней — это большая честь. Тебя будут величать «ваша светлость». Ты будешь сказочно богата и уважаема. У тебя будет много красивых платьев, драгоценностей, экипажей...

Мама говорила на каком-то непонятном мне языке. Какие экипажи и драгоценности? Какое влияние? Какое уважение?

— Мне это не нужно, мама, — прервала я поток ее излияний и тяжело вздохнула, — я не хочу связывать свою жизнь со стариком.

— Да, — мама согласно кивнула, — я тебя понимаю. Но в браке со старым мужчиной есть свои преимущества.

Я удивленно вскинула брови:

— И какие же?

— Он не будет тебе изменять, например, — улыбнулась она. — Он будет тебя любить и лелеять, как свою маленькую принцессу. И если повезет и он умрет раньше тебя, то ты останешься молодой богатой вдовой.

Я нахмурилась. Никогда не думала, что мама может быть такой циничной и расчетливой. Это же грех — желать смерти. Даже такому неприятному человеку, как герцог. Да я бы никогда!..

Я внимательнее всмотрелась в ее лицо.